

ДЕЕПРИЧАСТИЯ ОТ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ В НАРРАТИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: СЛУЧАЙ РУССКО-ПОЛЬСКОГО ПЕРЕВОДА

Оксана Александровна Остапчук

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры славянской филологии,
МГУ имени М. В. Ломоносова
Почтовый адрес: Ленинские горы, ГСП-1, д. 1, стр. 51,
1-й учебный корпус гуманитарных факультетов,
Москва, 119991, Россия
Старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН
Почтовый адрес: Ленинский проспект 32-А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: ostapchukoa@my.msu.ru
ORCID: 0000-0002-2856-0793

Аннотация

В статье рассматриваются способы перевода с русского на польский язык деепричастий от базовых глаголов речи несовершенного вида (НСВ) *говорить* и совершенного вида (СВ) *сказать*. В качестве материала используются переводы произведений русской классической литературы (романов Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и М. А. Булгакова) из параллельного русско-польского подкорпуса НКРЯ. Целью статьи является изучение функционального веса деепричастий от глаголов речи и анализ их семантико-прагматических и дискурсивных функций в тексте оригинала и перевода. Учет частотных показателей деепричастий НСВ и СВ (рус. *говоря* — *сказав* и пол. *mówiąc* — *powiedział*) позволил продемонстрировать специфику глаголов речи на фоне других акциональных предикатов: высокий процентный вес нефинитных форм, а также существенное превалирование конвербов НСВ (рус. *говоря* — пол. *mówiąc*), особенно в польском языке. Это может быть связано с закрепленностью за предикатами речевого действия фоновой (в том числе модусной) функции в художественных текстах. Обращение к корпусному материалу дополнительно продемонстрировало повышенную активность деепричастия одновременно *mówiąc* в переводах на польский язык, способного заменять русское деепричастие предшествования *сказав*. В ходе сопоставительного анализа текстовых функций деепричастий в оригинале и переводе была отмечена особая устойчивость такого показателя предикатов речи, как финитность, связанная с их базовой фоновой функцией, в то время как исходная аспектуальность и таксисная последовательность событий могут варьироваться. Утрата финитности (даже при сохранении видовой характеристики) всегда приводит к определенным изменениям нарративной перспективы, что наиболее заметно при одновременном изменении вида и таксисных показателей предиката, как в случае замены русского конверба НСВ *говоря* польским глаголом в форме прошедшего времени *powiedział*.

Ключевые слова

Русский язык, польский язык, глаголы речи, деепричастие, таксис, финитность, аспектуальность, перевод, текстовое выдвигание

Финансирование

Статья подготовлена при поддержке РНФ (грант № 23-18-00260 «Дискурсивный и прагматический потенциал грамматики глагола в русском языке в сопоставлении с другими славянскими и английским языком»), <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>.

Статья поступила в редакцию 16 августа 2025 г.

Статья доработана автором 15 сентября 2025 г.

Статья принята в печать 9 ноября 2025 г.

Цитирование: *Остапчук О. А.* Деепричастия от глаголов речи в нарративной перспективе: случай русско-польского перевода // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 3–4. С. 195–214. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.3-4.09>

CONVERBS FROM SPEECH VERBS IN NARRATIVE PERSPECTIVE: THE CASE OF RUSSIAN-POLISH TRANSLATION

Oxana A. Ostapchuk

Ph. D., Assistant Professor,
Department of Slavic Philology,
Lomonosov Moscow State University
Postal address: Leninskie Gory, GSP-1, 1, 1 GUM,
Moscow, 119991, Russia
Senior researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: ostapchukoa@my.msu.ru
ORCID: 0000-0002-2856-0793

Abstract

The article discusses ways to translate converbs from Russian into Polish from the basic verbs of speech. The article is based on the Russian classical literature translations (novels by Leo Tolstoy, Fyodor Dostoevsky and Mikhail Bulgakov) from the parallel Russian-Polish subcorpus of the National Corpus of Russian Language. The purpose of the study is to analyze the functional profile of converbs from verbs of speech and their semantic, pragmatic, and discursive functions in both the original text and the translation. The frequency of imperfect and perfect converbs (Rus. *говоря* — *сказав* and Pol. *mówiąc* — *powiedziawszy*) demonstrates the specific features of speech verbs in comparison with the other action predicates. In particular, we have noted a high percentage of non-finite forms, as well as a significant predominance of the imperfect converbs (Rus. *говоря* — Pol. *mówiąc*), which is especially characteristic of the Polish language. This may be due to the fact that predicates of speech have a background (including modus) function in literary texts. The corpus material additionally demonstrates the increased activity of the imperfect converb *mówiąc* (denoting simultaneity) in translations into Polish, which can replace the Russian perfect one *сказав* (denoting precedence). A comparative analysis of the textual functions of converbs in the original text and its translation allowed us to note a particular stability of such predicate indicator as finiteness, associated with its backgrounding function, while its aspectuality and the taxis sequence of events may vary. The loss of finiteness (even if the aspect is saved) always leads to certain changes in the narrative perspective, but the most notable effect of foregrounding occurs when the aspect changes simultaneously with the infinite status. This is the cases when the Russian imperfect converb *говоря* is replaced by the Polish personal perfect verb in the past tense *powiedział*.

Keywords

Russian, Polish, verb of speech, converb, taxis, finiteness, aspect, translation, foregrounding

Funding

This study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00260 “The discursive and pragmatic potential of the verb grammar in Russian in comparison with other Slavic languages and English”, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>.

Received 16 August 2025

Revised 15 September 2025

Accepted 9 November 2025

For citation: Ostapchuk, O. A., 2025. Converbs from Speech Verbs in Narrative Perspective: the Case of Russian-Polish Translation. *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (3–4), pp. 195–214. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.3-4.09>

Деепричастия — морфосинтаксический дериват глагола, служащий для выражения семантики зависимого таксиса в русском¹ и других славянских языках в ряду других синонимических таксисных средств разного уровня². Категория таксиса (ее природа, уровень и способы выражения, а также семантика и связь с другими категориями), несмотря на довольно внушительную историю изучения (по крайней мере с работ Р. Якобсона 1970-х гг.), по-прежнему остается в центре лингвистических дискуссий. Наиболее распространенным является понимание таксиса, оформившееся в рамках петербургской (ленинградской) функционально-грамматической школы в работах А. В. Бондарко, В. С. Храковского и др. В рамках этой традиции таксис рассматривается как функционально-семантическая категория, реализуемая в полипредикативных конструкциях, позволяющих при помощи грамматических средств маркировать временную локализацию зависимой ситуации относительно основной, указывающей на момент речи³. Такой подход позволяет рассматривать разноуровневые средства выражения таксиса (сложноподчиненные предложения, конструкции с однородными сказуемыми, нефинитные формы глагола: деепричастия и причастия, а также именные предикаты) как единую систему, объединенную общей семантикой. Термин «таксис» в польской лингвистической традиции замещает понятие «относительного времени» (*czas względny*), при этом в польском языке описаны различные типы таксисных отношений, соотносимые с классификацией В. С. Храковского; активно обсуждаются также проблемы синтаксического статуса деепричастий, характер связи с предикатом в основной клаузе, степень предикативности и

¹ См. подробнее: Виккулова О. С. Деепричастие. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.

² Подробный обзор репертуара средств зависимого таксиса в русском языке см.: Таксис в славянских языках. Типологический анализ. Том I / отв. ред. В. С. Храковский, А. Барентсен. М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. С. 23–253; в польском языке: Там же. С. 485–641.

³ Там же. С. 14.

разноуровневые средства синтаксической эквивалентности деепричастных конструкций⁴.

Функциональная специфика деепричастия в обоих рассматриваемых языках связана с противопоставлением предикатов в основной и зависимой клаузе и предполагает его семантико-синтаксическую зависимость (чаще всего) от финитной формы, выражающей абсолютное время, при соблюдении условия однореферентности. Такая модель выражения таксиса характерна для славянских языков, где для оформления граммымы одновременности (прежде всего предшествования, но также логического следования) используются деепричастия СВ, а для выражения граммымы одновременности — деепричастия НСВ⁵. При этом в польском языке отмечается постепенное расширение сферы употребления конвербов⁶ НСВ, в том числе в конструкциях с семантикой непосредственного предшествования⁷.

Взаимодействие аспектуальных и таксисно-темпоральных характеристик деепричастий отражает, в частности, национальная терминология: если в русской грамматике подчеркивается важность видового противопоставления при образовании конвербов (ср. *деепричастия НСВ и СВ*), то польская традиция, наряду с учетом исходной аспектуальности и адвербиального характера нефинитных образований (*imiesłów przysłówkowy dokonany i niedokonany*) акцентирует также связь с прототипической таксисной семантикой: в соответствии с этой логикой выделяются деепричастия одновременности и предшествования (ср. *imiesłów nieodmienny współczesny i uprzedni*)⁸. При этом хотя в польском языке не действуют ограничения, налагаемые словоизменительным классом и слоговой структурой глагольных основ⁹, для польского узуса в целом характерна меньшая активность осложненных конструкций с деепричастиями¹⁰.

Более широкое понимание таксиса развивается в рамках дискурсивно-коммуникативной грамматики, где в центре внимания оказывается его роль в обеспечении грамматической техники текстовой связности не только за

⁴ Saloni Z., Świdziński M. Składnia współczesnego języka polskiego. Warszawa: Wyd-wo naukowe PWN, 1998. S. 131–132, 138–141; Bojałkowska K. Opis składniowy imiesłówów przysłówkowych we współczesnym języku polskim. Toruń, 2010. S. 27–63.

⁵ Таксис... С. 64.

⁶ Термин *конверб* используется в данной работе в соответствии со сложившейся традицией в качестве синонима для деепричастия.

⁷ Таксис... С. 637; Saloni Z. O tendencjach w zakresie użycia imiesłówów przysłówkowych // Poradnik językowy. 1967. N 2 (247). S. 68–69; Bojałkowska K. Opis składniowy imiesłówów... S. 182–184, 199–201.

⁸ О терминологии см., в частности: Таксис... С. 494. Сноска 14.

⁹ Об этом на русском материале см.: Биккулова О. С. Деепричастие...

¹⁰ Nagórko A. Zagry gramatyki polskiej. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1998. S. 138–140; ср. замечания о сложноподчиненном предложении как основном средстве выражения зависимого таксиса в польском языке: Таксис... С. 636.

счет временной, но также модальной и личной перспективы¹¹. Учет прагматико-семантических функций грамматических форм в тексте позволяет рассматривать оппозицию нефинитных и личных форм глагола с точки зрения их участия в формировании нарративной перспективы¹². Было установлено, что нефинитные формы глагола, в частности, деепричастия, играют важную роль в сюжетном повествовании: с их помощью описываются события (СВ) и состояния (НСВ), формирующие фон для основной событийной линии, создаваемой личными формами глагола (реже — инфинитивом или безличной формой глагола). В свою очередь, в переводном тексте исходные параметры нарративной перспективы могут претерпевать трансформации, приводя к изменениям в иерархизации событий, даже когда речь идет о близкородственном переводе.

При переводе осложненных конструкций с деепричастиями особое внимание уделяется мотивам выбора формы зависимого и основного предиката (лексическим, синтаксическим, дискурсивным). Исследования текстовых функций конвербов в последнее время позволили, среди прочего, сделать важные наблюдения о зависимости их прагматического потенциала, в частности, от принадлежности исходных глаголов к различным семантическим группам. Отмечается, что к образованию деепричастий тяготеют, как правило, акциональные предикаты, предикаты со значением состояния личного субъекта или динамического положения¹³. В повествовательном нарративе дополнительно отмечается активность конвербов от глаголов, называющих эмоции, а также от глаголов движения, обозначающих изменение положения в пространстве¹⁴. Определенная специфика, как можно предположить, наблюдается также применительно к глаголам других семантических групп, в частности глаголам речевого действия.

Основной целью настоящей статьи является сопоставительный анализ прагматико-дискурсивного потенциала деепричастий от базовых глаголов речи на примере соотносимых аспектуальных пар рус. *говорить* — *сказать* и пол. *mówić* — *powiedzieć* в оригинальном и переводном нарративе. В качестве материала используются переводы на польский язык трех классиков

¹¹ Онипенко Н. К. Еще раз о функциональных возможностях русских деепричастий // Слово. Словарь. Словесность. Сб. научных статей / отв. ред. М. Я. Дымарский. СПб.: Изд-во РПГУ им. А. И. Герцена, 2024. С. 65.

¹² Уржа А. В. Прагматический потенциал русских деепричастий в нарративе: корпусное исследование сквозь призму переводов // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2023. № 1. С. 7–9.

¹³ Онипенко Н. К., Биккулова О. С. К проблеме соотношения вида и таксиса (деепричастие в «Семантико-грамматическом словаре русских глаголов») // Взаимодействие аспекта со смежными категориями. Материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Санкт-Петербург, 5–8 мая 2020 года) / ред. кол.: Е. В. Головкин, Е. В. Горбова (отв. ред.), П. А. Кочаров и др. СПб.: Изд-во РПГУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 273.

¹⁴ Уржа А. В. Прагматический потенциал русских деепричастий... С. 8.

русской литературы (Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и М. А. Булгакова), содержащиеся в параллельном русско-польском подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ, со снятой омонимией до 2023 г.)¹⁵. Такой выбор источников объясняется прежде всего стремлением сохранить хронологическую и стилистическую цельность, в то время как примеры из произведений М. А. Булгакова позволяют проследить динамику развития текстовых функций конвербов. Данный подход дополнительно открывает перспективу сопоставительного функционального анализа с учетом ситуации перевода на близкородственный язык.

Глаголы речевой деятельности выделяются в особую группу акциональных предикатов с учетом выражаемой ими основной семантики, при этом в русском языке аспектуальная пара *говорить* / *сказать* выступает в качестве базовой как минимум в трех подгруппах: для обозначения характеризованной речевой деятельности (синонимы *произносить* / *произнести*), речевого сообщения (синонимы *сообщать* / *сообщить*) и речевого воздействия (синонимы *сообщать* / *сообщить* и *произносить* / *произнести*)¹⁶. Их прямыми соответствиями в польском языке являются глаголы *tówić* / *powiedzieć* с возможностью синонимической замены на близкие по значению *wymówić* / *wypowiedzieć*, *zawiadamiać* / *zawiadomić* и под.

В русском языке рассматриваемые глаголы входят в группу наиболее употребительных, занимая, соответственно, 3 и 4 строчки в частотном словаре по данным НКРЯ с 920103 вхождений для *сказать* (ipm 2457.21) и с 800932 вхождений для *говорить* (ipm 2138.96) (ср. более ранние данные с несколько иными цифрами частоты на миллион: 2396.6 для *сказать* и 1755.0 для *говорить*)¹⁷. При этом, согласно недавнему исследованию Н. К. Ониненко и О. С. Биккуловой, в парадигме акциональных глаголов деепричастия составляют в среднем около 2% от общего числа вхождений, а соотношение между деепричастиями СВ и НСВ примерно равно¹⁸. На этом фоне глаголы речи демонстрируют явную специфику: в русском языке деепричастия от базовых глаголов *говорить* / *сказать* составляют 7,5% от общего числа вхождений (правда, с учетом не только узуальных *говоря* / *сказав*, но и редкого *сказавши*), а частотный профиль деепричастий в обоих анализируемых языках показывает преобладание в данной группе (в разы!) деепричастий НСВ, особенно показательно здесь соотношение

¹⁵ URL: <https://guscopora.ru> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁶ Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: «АСТ-Пресс», 1999. С. 349-379.

¹⁷ Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_v&title=%D7%E0%F1%F2%EE%F2%ED%FB%E9%20%F1%EF%E8%F1%EE%EA%20%E3%EB%E0%E3%EE%EB%EE%E2 (дата обращения: 03.08.2025).

¹⁸ Ониненко Н. К., Биккулова О. С. К проблеме соотношения вида... С. 275.

пол. *mówiąc* и *powiedziawszy*, где число вхождений деепричастия СВ составляет всего 3% на фоне формы НСВ (на которую, соответственно, приходится 97% общего числа деепричастий от указанных лексем). Частотный профиль деепричастий по данным национальных корпусов обоих славянских языков¹⁹ приведен ниже в таблице 1:

Таблица 1

Форма	Число вхождений	Частота (ipm)	В художественной прозе	Частота (ipm)
Русский язык				
<i>говоря</i> (НСВ)	50258	134,14	17239 (34%)	114,16
<i>сказав</i> (СВ)	8823	23,53	4596 (50%)	30,41
Польский язык				
<i>mówiąc</i> (НСВ)	138734	91,04	17824 (13%)	18,35
<i>powiedziawszy</i> (СВ)	3976	2,61	1367 (34%)	0,64

Дальнейший анализ с привлечением коллокаций из параллельного русско-польского подкорпуса НКРЯ призван уточнить функциональный профиль деепричастий от глаголов речи в сопоставительном аспекте на выбранном материале, который представляется нам репрезентативным для целей настоящей статьи с учетом функциональных характеристик деепричастий в индивидуально-авторских системах. Как показывают данные НКРЯ, преимущественной сферой функционирования деепричастия СВ *сказав* оказывается художественная проза (где роман выступает как основной жанр), на которую приходится по крайней мере в русском языке почти 50% всех словоупотреблений. Одновременно для деепричастия НСВ *говоря* характерным оказывается также использование в публицистике и других стилистических регистрах: показательны в этом отношении цифры для польского конверба *mówiąc*, у которого только ок. 13% от общего количества форм фиксируется в художественной прозе. Довольно красноречиво выглядит картина индивидуально-авторских предпочтений в русском языке: в пятёрке лидеров, активно использующих деепричастия, неизменно оказываются два главных романиста классической русской литературы XIX в.: Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский (хотя по общему количеству деепричастий они и уступают А. Ф. Писемскому, а также Максиму Горькому, представляющему XX в., но стилистически явно тяготеющему

¹⁹ URL: <https://ruscopora.ru> (дата обращения: 01.08.2025); <https://nkpj.pl/> (дата обращения: 02.08.2025).

к XIX в.). В приведенной ниже таблице 2 первая цифра в графе в столбцах 3–6 соответствует числу вхождений, вторая — частотности на миллион употреблений в округлении до целых единиц. Симптоматично в этом отношении выглядит относительно низкая статистика деепричастий (в общей сложности 80 форм) у одного из самых известных романистов первой половины XX в. — М. А. Булгакова (произведения которого активно переводились на польский язык), что, с одной стороны, соответствует общей тенденции, отмечаемой в первой половине XX в., к снижению количества конвербов (ср. частотные профили деепричастий в НКРЯ), а с другой — отражает внутреннюю логику развития индивидуально-авторского стиля (ср. неожиданно высокую для этого времени частотность деепричастий у Максима Горького).

Таблица 2

Автор	Всего	ГОВОРЯ		СКАЗАВ	
		вхождений	ipm	вхождений	ipm
Максим Горький	662	502 (2,97%)	297	160 (3,44%)	95
А. Ф. Писемский	320	254 (1,5%)	190	66 (0,73%)	49
Ф. М. Достоевский	303	237 (1,4%)	147	66 (0,73%)	33
Л. Н. Толстой	280	198 (1,17%)	157	82 (1,76%)	65
М. А. Булгаков	80	70 (0,13%)	150	10 (0,11%)	21

Обратимся теперь к анализу переводов осложненных конструкций с деепричастиями из произведений Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, а также М. А. Булгакова на польский язык. Следует оговориться, что переводы значительно отстоят по времени создания от оригиналов, что особенно справедливо для произведений XIX в., это, в свою очередь, может приводить к определенной архаизации их языка и некоторому повышению функционального веса деепричастий²⁰. Отмеченная на основе частотных показателей — как в целом, так и в индивидуально-авторских профилях — диспропорция в использовании деепричастий НСВ (рус. *говоря* — пол. *mówiąc*), как можно полагать, связана с преимущественной ориентированностью нефинитной формы НСВ на оформление зоны фона основного повествования, невысокой информативностью предиката речевого действия на фоне других акциональных предикатов, а также с закрепленностью за ним в целом ряде контекстов модусной функции.

²⁰ Отмечается, что в польском языке деепричастия активно используются в качестве средства архаизации: *Słoboda A. Imiesłowy u Norwida // Poznańskie Studia Polonistyczne Seria Językoznawcza. 2001. № 8. S. 145.*

Анализ способов перевода русских вводных конструкций с использованием деепричастия *говоря*, вводящих метаязыковые комментарии по поводу дискурсивной тактики, используемой автором, поясняющих речевую стратегию, способ изъяснения, маркирующих переход к другой теме и т. д.²¹, показывает универсальный характер таких фрагментов в различных, в том числе близкородственных языках. Этим объясняется преобладание буквальных межъязыковых соответствий при близкородственном переводе, как, например, в польской версии «Преступления и наказания» [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866) | Fiodor Dostojewski. Zbrodnia i kara (J. P. Zajęczkowski, 1996)]²²:

(1) рус. *Ну, хотите, я вам расскажу, как меня женщина, говоря вашим слогом, «спасала»? — пол. Chce pan, to, na przykład, opowie panu, jak, mówiąc pańskim stylem, “ratowała” mnie pewna kobieta?*

Довольно много подобных примеров, сохраняющих не только свое модусное значение, но и буквально передающих поверхностное его выражение средствами польского языка, обнаруживается в переводе «Мастера и Маргариты» И. Левандовской и В. Домбровского [Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940) | Michał Bułhakow. Mistrz i Małgorzata (Irena Lewandowska, Witold Dąbrowski, 1969)]: к слову *говоря* — *nawiasem mówiąc*; коротко *говоря*, короче *говоря* — *krótko mówiąc*; между нами *говоря* — *mówiąc między nami*; откровенно *говоря* — *prawdę mówiąc*. К числу редких исключений относится перевод оборота *собственно говоря* с опусканием глагола: *właściwie*, а также синонимическая замена (с изменением оформления валентности) в случае: *не говоря уже о* — *potijając już* ('опуская уже + асс.').

В том случае, когда деепричастие НСВ обозначает фоновое речевое действие в зависимой клаузе, оно в силу своей аспектуальной характеристики указывает на одновременность (полную или неполную) с действием, выраженным основным предикатом, в том числе при его локализации в прошлом; при этом использование нефинитной формы подчеркивает неосновной, дополнительный характер речевого действия, как в оригинале, так и в переводе:

(2) рус. *Я, и говоря-то вам тогда, не надеялся, что вы меня поняли — пол. Mówiąc wtedy do pana, nie liczyłem, że pan mnie rozumie* [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866) | Fiodor Dostojewski. Zbrodnia i kara (J. P. Zajęczkowski, 1996)].

Изоморфизм средств в оригинале и переводе с сохранением исходной семантики благодаря использованию деепричастия НСВ отмечается также в том случае, когда зависимое таксисное значение осложняется обстоятельством:

²¹ Ср. Биккулова О. С. Деепричастие...

²² Здесь и далее примеры из Национального корпуса русского языка: URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.08.2025).

(3) рус. *Раскольников, говоря это, хоть и смотрел на Соню, но уж не заботился более, поймет она или нет* — пол. *Raskolnikow, mówiąc to, patrzył wprawdzie na Sonię, ale nie troszczył się już o to, czy ona rozumie go, czy nie.*

Анализ польских переводов Л. Н. Толстого демонстрирует несколько иную картину. Из 16 примеров перевода деепричастия НСВ *говоря*, зафиксированных в НКРЯ в переводе «Войны и мира» А. Ставара [Л. Н. Толстой. Война и мир (1865–1869) | Lew Tołstoj. Wojna i pokój (Andrzej Stawar, 1958)], большинство сохраняют исходные финитные и аспектуальные (темпоральные) характеристики конверба, особенно в том случае, когда он используется в своем прототипическом таксисном значении и выражает речевое действие, сопровождающее в некоторый отрезок времени действие основного предиката (здесь каузального):

(4) рус. *Двое из братьев подвели Пьера к алтарю <...> и приказали ему лечь, говоря, что он повергается к вратам храма* — пол. *Dwaj bracia doprowadzili Pierre'a do ołtarza <...> i kazali się położyć, mówiąc, że pada i wrót świątyni.* Предпочтительный выбор НСВ подчеркивает фоновый характер речевого действия (ср. гипотетически возможную синонимическую замену **приказали, сказав / сказали*, где использование СВ очевидно повысило бы информативную нагруженность предиката). В подобных случаях конверб, как правило, уточняет основной предикат, нередко также обозначающий речевое действие, но несколько иного характера:

(5) *Весьма естественно, говоря о положении Пруссии, Анна Павловна попросила Бориса рассказать свое путешествие <...>* — пол. *Mówiąc o sytuacji Prus, Anna Pawłowna całkiem naturalnie poprosiła Borysa, żeby opowiedział o swojej podróży <...>.*

Иногда в оригинале обнаруживаем дублирование предикатов в основной и зависимой клаузе (в том числе благодаря варьированию аспектуальности):

(6) рус. *<...> сказал он, говоря про Наполеона, которого он до сих пор всегда, как и все, называл Буонапарте:* — пол. *<...> oświadczył mówiąc o Napoleonie, którego dotychczas zawsze, jak wszyscy, nazywał Bonapartem.* Переводчик же вместо нейтрального *сказал* вводит синоним *oświadczył* ‘заявил’, уходя от прямого дублирования и тем самым меняя общие коннотации.

В ряде случаев деепричастие играет роль своеобразного уточняющего обстоятельства, характеризующего условия или способ коммуникации:

(7) рус. *<...> она почему-то выговаривала l'Urope, как особенную тонкость французского языка, которую она могла себе позволить, говоря с французом* — пол. *<...> z jakiegoś powodu wymawiała l'Urope jako szczególną subtelność języka francuskiego, na którą mogła sobie pozwolić mówiąc z Francuzem.*

Это, в свою очередь, побуждает переводчика произвести синонимическую замену уточняющего характера, как в случае с введением глагола

powiadać книжн. ‘информировать, сообщать, добавлять’, не только акцентирующего внимание на подчиненном характере речевого действия, но и несколько меняющего стилистическую окраску высказывания в направлении архаизации:

(8) рус. *Товарищ Ростова, разговорившись о женщинах, стал смеяться Ростову, говоря, что он всех хитрее и что ему бы не грех познакомить товарищей с спасенной им хорошенькой полькой* — пол. *Kamrat Rostowa, kiedy mowa zesłała na kobiety, jął pokpiwać sobie z Rostowa, powiadając, że jest z nich wszystkich najsprytniejszy i nie zgrzeszyłby, gdyby poznał kolegów z ładniutką Polką, którą ocalił* (здесь переводчик дополнительно разрывает цепочку деепричастий, в первом случае повышая коммуникативный ранг предиката за счет использования финитного глагола в прошедшем времени в сложноподчиненном предложении *kiedy mowa zesłała* ‘когда речь зашла’ вм. *разговорившись*, а во втором используя нефинитную форму от книжного глагола *powiadając* ‘уст. говоря’, что сопряжено со стилистическими коннотациями в полном соответствии с общей тенденцией к архаизации языка в переводе Я. Зайончковского).

Другим возможным способом перевода деепричастия от глагола *говорить* является выбор синонимического варианта, актуализирующего сему общения, как в случае с *rozmawiać* ‘разговаривать’²³:

(9) рус. *Князь Андрей, обыкновенно говоривший легко и хорошо, чувствовал теперь затруднение выразиться, говоря с Сперанским*: — пол. *Książę Andrzej, mówiący zazwyczaj gładko i dobrze, obecnie, rozmawiając ze Sperańskim, czuł pewną trudność w wystawianiu się* (в данном случае переводчик посчитал необходимым усилить стилистический эффект от варьирования нефинитных форм, причастной *говоривший* и деепричастной *говоря*, за счет синонимической замены второго зависимого предиката).

Использование нефинитной формы (одиночной или с минимальным расширением) может также подчеркивать несамостоятельный характер речевого действия при основном акциональном предикате, выраженном общеперцептивным глаголом, меняющем канал восприятия со звукового на зрительный. В таких случаях, как правило, дискурсивная рамка осложненной конструкции воспроизводится в неизменном виде также в переводе:

(10) рус. *Говоря это, графиня оглянулась на дочь* — пол. *Mówiąc to hrabina spojrzęła na córkę*.

В то же время в тех случаях, когда таксисное значение (указание на одновременность с действием основного предиката) в конструкции с деепричастием НСВ переводчик считает несущественным, он прибегает к таким семантико-грамматическим заменам, которые приводят к определенным изменениям нарративной перспективы. Наиболее заметными такие изме-

²³ Глагол *говорить* в русском языке также может выступать синонимом к *разговаривать* в рамках семантической подгруппы речевого общения, см.: Толковый словарь русских глаголов... С. 367–371.

нения оказываются в случае замещения нефинитной формы финитной, особенно при смене вида. Исследование переводческих трансформаций, произведенное А. В. Уржой на материале переводов английской прозы на русский язык, позволило установить закономерность, в рамках которой варьирование категорий финитности и/или аспектуальности, и особенно их комбинирование (прежде всего замена нефинитной формы НСВ на финитную СВ), влияет на смещение фокуса читательского внимания на те элементы ситуации, которые кажутся переводчику более значимыми, чем временная соотношенность предикатов²⁴.

В нашем материале такие переводческие трансформации были отмечены дважды:

(11) *И она, как всегда говоря о Пьере, стала рассказывать анекдоты о его рассеянности <...> — пол. I jak zawsze, kiedy mówiła o Bezuchowie, jąła opowiadać anegdoty o jego rozrządzeniu <...>*. В данном случае выбор для перевода конструкции с деепричастием НСВ придаточного временного предложения с предикатом в форме прошедшего времени²⁵, помогает подчеркнуть общую соотношенность действий с прошлым.

В ситуации, когда деепричастие заменяется финитной формой глагола (также НСВ) в прошедшем времени, но перемещается в основную клаузу, дополнительно противопоставленную инфинитивной конструкции, отмечается более значительная степень текстового выдвигания²⁶:

(12) *рус. <...> начал он, с очевидным затруднением выговаривая по-французски и говоря еще медленнее, чем по-русски — пол. <...> Widać było, że wymowa francuska sprawia mu trudność, i mówił jeszcze wolniej niż po rosyjsku*. Здесь дополнительно разрушается исходная цепочка деепричастий НСВ, присутствующая в оригинале, первое из которых замещается придаточным предложением с именным предикатом — что дополнительно снижает общую динамичность описываемой ситуации, а второе — глаголом в прошедшем времени, что иначе расставляет акценты, выдвигая предикат речи на первый план.

В классическом польском переводе «Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова [Michał Bułhakow. *Mistrz i Małgorzata* (Irena Lewandowska, Witold Dąbrowski), 1969], несмотря на общее небольшое количество деепричастий, наблюдаются довольно значимые переводческие трансформации, предполагающие различные способы текстового выдвигания глагольных форм за счет изменения темпоральной и/или модальной рамки повествования (за исключением метаязыковых вводных конструкций, передаваемых

²⁴ Уржа А. В. Конструкции с глаголами речевого и физического действия в русских переводных текстах: аспектуальность, финитность, выдвигание // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 100–102.

²⁵ О синонимическом варьировании средств зависимого таксиса см., в частности: Биккулова О. С. Деепричастие...

²⁶ Ср. Уржа А. В. Конструкции с глаголами речевого и физического действия... С. 101.

буквально). Вариативность формальных средств перевода осуществляется в рамках репертуара грамматических форм, включенных в функционально-семантическое поле зависимого таксиса²⁷. В каждом таком случае изменение поверхностного уровня выражения сопряжено с определенным прагматическим и семантико-дискурсивным сдвигом:

(13) рус. *Говоря это, я забочусь о тебе, поверь мне* — пол. *Wierz mi, że mówię to, bo martwię się o ciebie* — здесь замена нефинитной формы *говоря* на финитную *mówię* ‘я говорю’ происходит при сохранении аспектуальной характеристики формы (НСВ), тем самым сохраняется также таксисная семантика одновременности в придаточном изъяснительном предложении при одновременном повышении коммуникативного статуса предиката речи;

(14) рус. *Но, говоря, взвешивай каждое слово <...>* — пол. *Mów, rozważ każde sowo <...>* — замена нефинитной формы *говоря* на финитную *mów* ‘говори’ в повелительном наклонении поднимает коммуникативный ранг зависимого предиката до уровня следующей за ним финитной формы, создавая ряд однородных сказуемых;

(15) рус. *Дама от этого отказывалась, говоря, “нет, нет, меня не будет дома!”* — пол. *Dama wumawiała się, mówiła, “Nie, nie, jutro nie będzie mnie w domu!”* — замена нефинитной формы *говоря* на финитную прошедшего времени *mówiła* ‘говорила’ повышает коммуникативный ранг речевого действия, усиливая стилистический эффект от использования однокоренных синонимичных предикатов: ср. рус. *отказывалась, говоря* и пол. *wumawiała się, mówiła*;

(16) рус. *Тут лицо гостя порозовело, он встал и поклонился прокуратору, говоря...* — пол. *Wówczas zaróżowiła się twarz gościa, gość wstał, skłonił się prokuratorowi i powiedział* — здесь замена нефинитной формы НСВ *говоря* на финитную форму СВ в прошедшем времени *powiedział* ‘сказал’ существенно меняет ее информационную нагруженность, делая речевое действие столь же важным, как и предшествующие ему действия субъекта, сообщая им дополнительный динамизм, свойственный формам СВ;

(17) рус. — *Слушаю, игемон, — сказал гость и встал, говоря <...>* — пол. — *Rozkaz, hegemonie — powiedział gość i wstał ze słowami <...>* — замена нефинитной формы глагола НСВ *говоря* на именную группу *ze słowami* ‘со словами’ демонстрирует трансформацию дискурсивной рамки в обратном направлении: уменьшение степени предикативности понижает коммуникативный ранг речевого действия, подчеркивая его фоновый характер.

Теперь кратко проанализируем прагматико-семантический потенциал деепричастия СВ *сказав*, которое существенно уступает по своей частотности форме НСВ *говоря* (см. таблицу 1). Приходится констатировать, что в данном случае отмеченные переводческие трансформации носят скорее семантико-стилистический характер, демонстрируя еще большую устой-

²⁷ Ср. Таксис... С. 23-253; 485-641; *Bojałkowska K. Opis...* S. 59-63.

чивость (чем в случае с НСВ) такого важного для оформления нарративной структуры текста показателя, как финитность, тем самым неизменной остается таксисная роль конверба в структуре переводного текста. Проиллюстрируем это примерами вариантов перевода деепричастия *сказав* из романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Выбор буквального соответствия *powiedziawszy*, хоть и не является самым востребованным (3 формы из 14), предполагает сохранение обоих исходных характеристик формы (и финитность, и аспектуальность), а также базового указания на предшествование речевого действия действию основного (чаще всего общеперцептивного) предиката:

(18) рус. *Жаль, жаль, что князь все нездоров, — и сказав еще несколько общих фраз он встал* — пол. *Szkoda, wielka szkoda, że książę ciągle niezdrów. — I powiedziawszy jeszcze kilka ogólnych frazesów wstał* (в данном случае фактором, повлиявшим на такой выбор, могла стать синтаксическая позиция деепричастия после паузы, превратившаяся в переводе в инициальную, которая задает обычно бóльшую динамику²⁸).

Сохранение исходной таксисной и нарративной рамки отмечается также в случае осложнения семантики зависимого таксиса уточняющим (обстоятельственным или уступительным) значением:

(19) рус. *каждый день он уезжал в тумане, не сказав того, что намерен был сказать...* — пол.: *Borys codziennie odjeżdżał oszołomiony, nie powiedziawszy tego, co zamierzał był powiedzieć* (здесь переводчик сохраняет чередование двух нефинитных форм одного и того же глагола, имеющее стилистический эффект, возможно, связанный с намеренной текстовой выделенностью речевого действия).

Случаи перевода с сохранением базовых характеристик исходного деепричастия СВ (финитности и аспектуальности) следует дополнить примерами, меняющими стилистическую окраску высказывания благодаря использованию в переводе конверба от книжного глагола *rzec* — *rzekłszy* ‘молвив’ (здесь, как и в случае с глаголом *powiadać* в примере 8, можно усматривать тенденцию к архаизации с учетом специфики и статуса оригинала):

(20) рус.: *Он, выдвинувшись вперед на кресле, сказал, Le Roi de Prusse! и сказав это, засмеялся* — пол.: *Wychyliwszy się z fotela oświadczył, — Le roi de Prusse! — rzekłszy to zaśmiał się.*

При сохранении базовых таксисных характеристик деепричастия возможен также семантический сдвиг: использование нефинитной формы СВ от глагола *wymienić* ‘обменяться (словами)’ детализирует характер речевого действия в инициальной (маркированной) позиции:

(21) рус. *Сказав несколько слов с Пьером об ужасной дороге от границ Польши <...>* — пол. *Wymieniwszy z Pierre'em kilka słów o okropnej drodze od granic Polski <...>*.

²⁸ Об этом на русском материале также упоминается в: Биккулова О. С. Деепричастие...

Симптоматичным в данном случае можно считать популярность вариантов перевода, предполагающих сохранение финитности при изменении вида деепричастия: вместо ожидаемого *powiedziawszy* переводчик активно использует форму НСВ *mówiąc* (6 примеров из 14), невзирая на то, что это меняет временную перспективу и отчасти логику последовательности событий. Очевидно, что главной коммуникативной целью является здесь именно указание на фоновый, зависимый характер сопровождающего речевого действия, а не его временная соотносительность²⁹:

(22) рус. *После 6-ти роберов генерал встал, сказав, что эдак невозможно играть <...>* — пол. *Po sześciu robrach generał wstał mówiąc, że w ten sposób grać nie można <...>*.

В ряде случаев переводчик предпринимает специальные усилия для изменения временной последовательности событий при помощи дополнительных таксисных маркеров:

(23) рус. *<...> Тихон посмотрел на князя, на его расстроенное лицо, покачал головой, молча приблизился к нему и, поцеловав его в плечо, вышел, не поправив свечей и не сказав, зачем он приходил* — пол. *<...> Tichon pora-trzył na księcia, na jego zmienioną twarz, poruszył głowę, zbliżył się doń w mil-czeniu i pocałował go w ramię wyszedł nie objaśniając świec i nie mówiąc, po co przyszedł* — вместо двух русских нефинитных форм, указывающих на предшествование, используются два польских конверба одновременности;

(24) рус. *Шиншин, стоявший тут же, хотел пошутить, сказав, что Кутузов, видно, и этому нетрудному искусству — кричать по-петушино-му — не мог выучиться у Суворова.* — пол. *Szynszyn, stojący opodal, chciał zażartować mówiąc, że Kutuzow, jak widać, nie mógł nauczyć się od Suworowa nawet tej niezbyt trudnej sztuki — pisać jak kogut* — здесь дополнительным фактором, влияющим на выбор нефинитной формы НСВ *mówiąc* вместо СВ *powiedziawszy* могло оказаться соседство в польской версии текста другой (единственно возможной) нефинитной формы — действительного причастия *stojący*, приписывающего субъекту динамичную характеристику, в противовес русской паре нефинитных форм, соотносимых с фоновыми действиями и характеристиками в прошлом: *стоявший* — *сказав*;

(25) рус. *Старшины встретили его у первой двери, сказав ему несколько слов о радости видеть столь дорогого гостя и, не дождавшись его ответа, как бы завладев им, окружили его и повели в гостиную* — пол. *Starszyzna powitała go przy pierwszych drzwiach mówiąc mu w kilku słowach o radości ujrzenia tak drogiego gościa i nie doczekawszy się jego odpowiedzi okrążyła go, jakby obejmując we władanie, i poprowadziła do salonu* — здесь отмечается иная по сравнению с оригиналом нюансировка событийного ряда: вместо последовательно соотносимых с временным планом прошло-

²⁹ Ср. на материале переводов с английского языка: Уржа А. В. Конструкции с глаголами речевого и физического действия... С. 101-102.

го цепочки русских нефинитных форм СВ *сказав — не дождавшись — завладев* польская версия текста при помощи дееспричастий НСВ *mówiąc — obejmując* помогает иначе расставить акценты, понижая информационную ценность вторичных предикатов (речевого и общеперцептивного) и тем самым отодвигая их в зону глубокого фона.

Причины распространенности в польском переводе замены формы СВ на НСВ можно усматривать, с одной стороны, в том факте, что реальная временная отнесенность речевого действия оказывается, по-видимому, нерелевантной для переводчика, что можно считать универсальным свойством глаголов этого семантического разряда (ср. наблюдения А. В. Уржи на материале переводов с английского на русский язык), а с другой (чего нельзя исключать) — они кроются в более высокой частотности и функциональной нагруженности дееспричастия НСВ *mówiąc* в польском языке, что особенно важно с учетом разницы во времени появления текстов оригинала и перевода — современный язык демонстрирует повышение функционального веса конвербов НСВ³⁰.

Техника текстового выдвижения, предполагающая изменение характеристики финитности, в случае с дееспричастием СВ оказывается связанной лишь с двумя примерами семантических замен, где конвербу от русского базового предиката *сказав* соответствуют польские глагольные лексемы, уточняющие характер речевого действия и одновременно повышающие его коммуникативный статус за счет использования (финитной) формы прошедшего времени (также СВ):

(26) рус. — *Изволите видеть, мой любезнейший, записку я вам читал, — перебил Аракчеев, только первые слова сказав ласково, опять не глядя ему в лицо...* — пол. — *Kochany księżę, zechciej przyjąć do wiadomości, że pański memoriał przeczytałem — przerwał mu Arakczejew, ale tylko pierwsze słowa wyrzekł uprzejmie, potem nie patrząc mu w oczy ...* — здесь русской паре глаголов речевого действия, один из которых стоит в нефинитной форме (*перебил, сказав*) соответствует польская пара однородных сказуемых в прошедшем времени, с разных сторон описывающих речевое действие (*przerwał* ‘перебил’, *wyrzekł* ‘произнес’);

(27) рус. *Посидев за столом, Сперанский закупорил бутылку с вином и сказав, “нынче хорошее вино в сапожках ходит”, отдал слуге и встал* — пол. *Posiedziałwszy przy stole Sperański zakorkował butelkę z winem, oświadczył, że “obecnie dobre wino chadza w atłasie”, oddał butelkę służce i wstał* — в данном случае повышение информативной нагрузки вторичного предиката за счет использования формы прошедшего времени подчеркивается выбором глагола *oświadczyć* ‘сообщить’, маркирующего важность речевого действия на фоне нейтрального *powiedzieć* ‘сказать’.

³⁰ Ср. *Saloni Z. O tendencjach... S.72; Bojałkowska K. Opis... S.197-199; Таксис... С. 637.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использованная в настоящей статье методика, предполагающая сочетание статистического, сопоставительного и лингвостилистического методов при анализе переводов русской классической литературы из параллельного русско-польского подкорпуса НКЯ позволяет сделать следующие выводы:

1. Специфика функционального профиля глаголов речи на фоне других акциональных предикатов определяется не только более высоким процентным весом нефинитных форм, но и иным соотношением деепричастий от глаголов СВ и НСВ. Преобладание конвербов НСВ (*говоря — mówiąc*), очевидно, связано с закрепленностью за предикатами речевого действия фоновой (в том числе модусной) функции в художественных текстах. Обращение к параллельным русско-польским текстам дополнительно выявило повышенную активность деепричастия одновременности *mówiąc* в переводах на польский язык, что связано с общей тенденцией к повышению его функциональной нагрузки в современном языке.

2. Анализ способов перевода деепричастий от глаголов речи (в аспектуальной паре *говоря — сказав*) с русского на польский язык показал, что, подобно другим глаголам, традиционно используемым для описания фона повествования, они тяготеют к сохранению своих дискурсивных функций в переводе. Независимо от вида, так ведут себя деепричастия, выполняющие модусную (метатекстовую) функцию (пример 1), указывающие на одновременность с действием основного предиката в настоящем или прошлом (2, 4), в оборотах, имеющих оттенок обстоятельственного (иногда уступительного) значения (3) или характер уточнения, особенно при другом глаголе речи (5–6), а также обозначающие речевое действие второго плана при общеперцептивном глаголе (7). Сохранение базовой фоновой функции и семантики зависимого таксиса может сопровождаться при переводе синонимическими заменами, носящими стилистический характер (8, 20) или предполагающими семантический сдвиг (9, 21).

3. Сохранение статуса нефинитной формы и базовой фоновой (таксисной) функции в нарративе для деепричастий от глаголов речевого действия оказывается важнее, чем исходная видовая характеристика и соблюдение временной соотнесенности событий. С этим, а также с высоким функциональным весом польского деепричастия одновременности связана возможность варьирования при переводе такого показателя, как аспектуальность, что показывает распространенность передачи русского конверба СВ *сказав* польским деепричастием НСВ *mówiąc* (примеры 22–25).

4. Изменение при переводе деепричастий от глаголов речевого действия такой характеристики, как финитность, приводит к определенным семантико-прагматическим и дискурсивным последствиям. Среди случаев замены нефинитной формы глагола речи личным глаголом преобладают примеры с сохранением вида, как при переводе формы НСВ *говоря*, так и

СВ *сказав*. При этом конструкцию с деепричастием может заменять именная группа (17), придаточное времени с личным глаголом в прошедшем времени (11), однородное сказуемое в прошедшем (12, 15) (в том числе с семантическим сдвигом — 26, 27) или настоящем времени (13), а также в повелительном наклонении (14). Замена деепричастия личным глаголом — независимо от его временной формы — сопровождается эффектом текстового выдвигания, наиболее заметным в случае изменения не только финитности, но и аспектуальности: такой пример в нашем материале встретился лишь однажды (16).

Сделанные наблюдения относительно специфики дискурсивных функций нефинитных форм от базовых глаголов речи *говорить* / *сказать* в оригинальном и переведенном нарративе на избранных примерах классической русской литературы из параллельного подкорпуса НКРЯ могут быть дополнены на материале других индивидуально-авторских систем разного времени. Подобная методика может быть применена также к исследованию функционального потенциала других глаголов речи и/или глаголов других семантических групп, в том числе при переводе (с польского) на русский язык.

Источники

Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_v&title=%D7%E0%F1%F2%E0%F2%ED%FB%E9%20%F1%EF%E8%F1%EE%EA%20%E3%EB%E0%E3%EE%EB%EE%E2 (дата обращения: 03.08.2025).

Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: «АСТ-Пресс», 1999.

Литература

Биккулова О. С. Деепричастие. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.

Онипенко Н. К. Еще раз о функциональных возможностях русских деепричастий // Слово. Словарь. Словесность. Сб. научных статей / отв. ред. М. Я. Дымарский. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2024. С. 64–78.

Онипенко Н. К., Биккулова О. С. К проблеме соотношения вида и таксиса (деепричастие в «Семантико-грамматическом словаре русских глаголов») // Взаимодействие аспекта со смежными категориями. Материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Санкт-Петербург, 5–8 мая 2020 года) / ред. кол.: Е. В. Головкин, Е. В. Горбова (отв. ред.), П. А. Кочаров и др. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 271–282.

- Таксис в славянских языках. Типологический анализ. Том I / отв. ред. В. С. Храковский, А. Барентсен. М.: Издательский Дом ЯСК, 2024.
- Уржа А. В. Конструкции с глаголами речевого и физического действия в русских переводных текстах: аспектуальность, финитность, выдвигание // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 91–103. DOI:10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-7
- Уржа А. В. Прагматический потенциал русских деепричастий в нарративе: корпусное исследование сквозь призму переводов // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2023. № 67(1–2). С. 147–160. DOI:10.1556/060.2023.00109
- Bojałkowska K. Opis składniowy imiesłowów przysłówkowych we współczesnym języku polskim. Toruń, 2010.
- Nagórko A. Zarys gramatyki polskiej. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997.
- Saloni Z. O tendencjach w zakresie użycia imiesłowów przysłówkowych // *Poradnik językowy*. 1967. N 2 (247). S. 67–72.
- Saloni Z., Świdziński M. Składnia współczesnego języka polskiego. Warszawa: Wyd-wo naukowe PWN, 1998.
- Słoboda A. Imiesłowy u Norwida // *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza*. 2001. № 8. S. 139–150.

References

- Bikkulova, O. S., 2011. *Converb. Materials to the project of corpus description of Russian grammar* (<http://rusgram.ru>). On the rights of the manuscript. Moscow, 2011. (In Russian)
- Bojałkowska, K., 2010. *Opis składniowy imiesłowów przysłówkowych we współczesnym języku polskim*. Toruń.
- Khrakovskii, V. S., Barentsen, A., eds., 2024. *Taxis in Slavic Languages. Typological analysis*. Tom I. Moscow: Izdatel'skii Dom IaSK. (In Russian)
- Nagórko, A., 1997. *Zarys gramatyki polskiej*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Onipenko, N. K., 2024. Once again about the functionality of Russian converbs. In: M. Ia. Dymarskii, ed., 2024. *Word, Vocabulary, Letters. Essays*. St Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2024, pp. 64–78. (In Russian)
- Onipenko, N. K., Bikkulova, O. S., 2020. On the problem of the correlation of aspect and taxis (the converb in the Semantic and Grammatical Dictionary of Russian Verbs). In: E. V. Gorbova (chief ed.), E. V. Golovko, P. A. Kocharov, eds., 2020. *The interaction between the aspect and related categories. Proceedings of the VII International Conference of the Aspectology Commission of the International Slavic Committee*. (St Petersburg, 5–8 May 2020). St Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2020, pp. 271–282. (In Russian)
- Saloni, Z., 1967. O tendencjach w zakresie użycia imiesłowów przysłówkowych. *Poradnik językowy*, no 2 (247), pp. 67–72.
- Saloni, Z., Świdziński, M., 1998. *Składnia współczesnego języka polskiego*. Warszawa: Wyd-wo naukowe PWN.

-
- Słoboda, A., 2001. Imiesłowy u Norwida. *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza*, no 8, pp. 139–150.
- Urzha, A. V., 2023. The Pragmatics of Russian converbs in a narrative: Corpus-based study through the prism of translations. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*; 67 (1–2), pp. 147–160. DOI:10.1556/060.2023.00109 (In Russian)
- Urzha, A. V., 2024. Constructions with verbs of speech and physical action in Russian translated texts: aspectuality, finiteness, foregrounding. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 9, Filologija*, 4, pp. 91–103. DOI:10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-7 (In Russian)